

К 90-летию А.П. ОКЛАДНИКОВА

© 1998 г., ЭО, № 4

А.М. Решетов, Е.А. Окладникова

ЭТНОГРАФИЯ В КРУГУ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ А.П. ОКЛАДНИКОВА

Имя академика Алексея Павловича Окладникова в истории гуманитарной науки прочно и по праву связано как с археологией – исследованиями древнейшего прошлого человечества, так и с этнографией¹.

А.П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в д. Константиновщина Знаменской волости Иркутской губ. в семье сельского школьного учителя. Среднюю школу он окончил в старинном русском с. Анга, директор которой И.Т. Житов был страстным краеведом. Занимаясь в школьном краеведческом кружке, Алеша Окладников получил первые навыки в области этнографических исследований, записывая сведения об интересных обычаях и обрядах, старинные сказания, песни, русские и бурятские легенды. После окончания школы А.П. Окладников поступил учиться в Иркутский педагогический техникум, а затем перешел в педагогический институт.

После завершения в 1928 г. Иркутского педагогического института А.П. Окладников был назначен заведующим Этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея. В 1932 г. он поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде. Окончив ее, он стал работать старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором, а потом и заведующим Ленинградской частью Института истории материальной культуры АН СССР. В 1956 г. А.П. Окладникову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Якутской АССР, в 1957 г. – заслуженного деятеля науки РСФСР.

Громадное значение для раскрытия исследовательского таланта А.П. Окладникова имел его приезд в Новосибирск в 1961 г. по приглашению талантливого ученого и организатора науки акад. М.А. Лаврентьева. В Новосибирском академгородке ученый возглавил Отдел гуманитарных исследований в Институте экономики. Позже он стал руководителем Отдела гуманитарных исследований в Институте истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР, а затем и его директором до последнего дня своей жизни – 18 ноября 1981 г. В 1964 г. Алексей Павлович избирается членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 г. – ее действительным членом. А.П. Окладников был награжден высокими правительственными наградами СССР: тремя орденами Ленина, тремя орденами Знак почета и медалями, а также орденами МНР. В 1950 г. он был удостоен Сталинской, в 1973 г. – Государственной премии СССР, а в 1978 г. – звания Героя Социалистического Труда.

Если его работы по исследованию древнего монументального искусства Евразии, как ценнейшего исторического источника, занимающие междисциплинарное положение между археологией, искусствоведением и палеоэтнографией, получили благодаря научной значимости, серийности, многотомности изданий и богатству иллюстративных материалов значительный резонанс, то такой аспект его научного творчества как этнографические исследования пока остается в тени.

Еще в ранний период работы в конце 1920-х – начале 1930-х годов, связанный с Иркутским краеведческим музеем, происходит формирование научных интересов А.П. Окладникова. Тогда на него оказали решающее влияние контакты с его учителями: выдающимся археологом и этнографом-сибиреведом Б.Э. Петри, работав-

шим в Петербурге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, а затем обосновавшегося в Иркутске, и известным историком-этнографом Н.Н. Козьминым. Под руководством Б.Э. Петри ученый начинает заниматься обзором этнографических и археологических материалов. Конечно, основное внимание будущего ученого в то время концентрировалось на археологических памятниках (неолитических погребениях Хабсагайского холма и др.), но одной из особенностей его научного творчества становится удивительно гармоничное сочетание археологии и этнографии. Такое естественное сочетание было преемственностью комплексной методологии его учителей и получило блестящее развитие в ходе самостоятельных исследований ученого в зрелый период. Работа в этнографическом отделе Иркутского краеведческого музея, живой интерес к археологическим, этнографическим и историческим материалам сформировали особый взгляд молодого ученого на культуру человечества, расширили его профессиональные горизонты и выработали в нем навык рассматривать гуманитарные проблемы от материала к теории, но в единой системе анализа, которая на западе получила название культурной антропологии.

В начале 1930-х годов А.П. Окладников создает свой первый крупный научно-исследовательский проект. Иркутский краеведческий музей и Восточносибирский отдел Географического общества поручают ему руководство одной из первых в истории российской науки экспедицией в зоне затопления будущей Ангарской гидроэлектростанции. Материалы, полученные в результате исследований этого периода, позволили ему выявить наиболее раннюю стадию верхнепалеолитических культур Восточной Сибири (Буреть и Мальта) и создать периодизацию прибайкальского неолита и бронзового века. Особенностью исследовательского метода Окладникова уже в то время стала сформировавшаяся за многие годы работы как этнографическая тенденция рассматривать археологические памятники в историко-культурной перспективе и интерпретировать их с точки зрения этнографии. Тщательно изучив расположение костных остатков вокруг и внутри жилищ и сравнив полученные данные с этнографическими сведениями об использовании чукчами, коряками и эскимосами костей и рогов как строительного материала, А.П. Окладников предложил оригинальную и вполне оправданную реконструкцию структуры верхнепалеолитического жилища в Бурети. Вместе с тем заслуживает всяческого одобрения осторожный подход исследователя, предостерегающего от того, чтобы видеть прямую генетическую связь между современными арктическими аборигенами и древним населением, по мнению некоторых ученых, мигрировавшим на север вслед за стадами северных оленей. Он установил преемственность эскимосской культуры с неолитической стадией в культуре тихоокеанских береговых племен². В дальнейшем он неоднократно плодотворно использовал метод реконструкции при изучении жилища Мальты, одежды шаманки из Глазковского могильника и т.д.

Сочетание археологического и этнографического видения проблемы помогало познать «вещи» и «явления» в их развитии, поместить их на «шкалу времени». Поэтому, приступая к работам по палеоэтнографии или этнографии, он уже тогда в качестве основного метода своего научного исследования избрал сравнительный историко-культурный анализ. Занимаясь исследованиями, А.П. Окладников всегда считывал территориальное распространение фактов и их хронологические привязки.

Вклад ученого в изучение культур каменного века Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока широко известен, однако не меньший интерес представляют его исследования в области древнего художественного творчества, происхождения и становления ранних форм религиозных представлений, наскального искусства и этногенеза. Основным направлением его научного творчества и исследований памятников культуры Евразии – Сибири, Дальнего Востока, Нижнего Амура, Средней Азии – стало изучение проблем этногенеза, палеоэтнографии, ранних форм религиозных представлений, генезиса первобытного искусства, мифологии, русского деревянного зодчества Сибири и наскального искусства.

А.П. Окладников 1975 г.

Творческий метод ученого можно назвать палеоэтнографическим, несмотря на то, что термины «палеоэтнография» и «культурология» вошли в научный обиход сравнительно недавно, причем первый после большого перерыва. Все творчество ученого осуществлялось под их знаком. Интересовали его исторические закономерности развития культуры в ее палеоэтнографическом и археологическом аспектах. Он стал одним из первых советских ученых-гуманитариев, осознавших плодотворность интегрированного исторического знания. Именно культурологический взгляд на сложные процессы становления и развития истории и культуры человечества давал ему возможность осмысливать полевые этнографические и археологические материалы как объекты фундаментальной гуманитарной науки, а также как проявления конкретных феноменов культуры человечества. Его как ученого постоянно интересовали вещественные свидетельства культуры, которые наглядно показывали, что на громадной территории от Восточной Монголии до Приморья и Камчатки и далее – на Тихоокеанский мир и рубежи североамериканского континента – шел процесс интеграции культур. Как писал С.О. Шмидт, «А.П. Окладников по существу был историком культуры широкого профиля и социологом. Он был и разносторонним источниковедом»³.

Перу А.П. Окладникова принадлежит более 1100 научных трудов. Большие разделы крупных монографических исследований и многочисленные его научные статьи специально посвящены разработкам в области палеоэтнографии и этнографии. Ученый ввел в научный оборот острые и важные тогда вопросы этнографической науки, без которых современная наука обойтись не может. Среди них – проблемы миграционных процессов на территории Евразии, тихоокеанского культурного мира и Северной Америки, теория и история этногенеза народов Сибири, Центральной Азии и Северной Америки, вопрос о становлении и развитии близких культов в Сибири, культовая и религиозная практика коренного населения Сибири и народов Тихоокеанского круга, в частности, культ предков, наскальное искусство как исторический и историко-этнографический источник. В своих исследованиях ученый широко использовал этнографические источники и этнографическую литературу с информацией о материальной и духовной культуре якутов, бурят, монголов, тунгусов и т.д.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов А.П. Окладников активно собирает этнографический материал по истории западных бурят и эвенов, изучает архивные ма-

териалы конца XVII–XVIII вв., которые раскрывают особенности общественно-экономической истории населения Восточной Сибири того периода. В это время в научной деятельности ученого сформировалась та характерная черта его творческого метода, которая впоследствии позволила ему успешно связывать археологические исследования с этнографическими штудиями. Тот этнографический материал, который попадал в поле его зрения и волновал как исследователя глубокой древности, всегда виртуозно использовался им при интерпретации археологического материала. Это открывало перед ним уникальную возможность нащупать связь времен⁴.

А.П. Окладников никогда не ограничивался изучением археологических материалов. Его внимание как в ранние годы, так и в последующей научной деятельности постоянно привлекали этнографические данные, фольклорные материалы, старинные рукописи и книги, труды русских историков, путешественников, ученых – ранних исследователей Сибири. Например, результатами архивных изысканий в ранний период научного творчества Окладникова стала публикация документов XVII–XVIII вв. по истории Якутии⁵. Внимание научных кругов привлекли также его исследования о первых русских полярных мореходах XVII–XVIII вв. у берегов Таймыра⁶.

Уже в этот период равноправно сосуществуют два основных направления его исследований и интересов как ученого-историка широкого профиля: археология и этнография. Перелистывая страницы его монографий и публикаций, бывает трудно установить, какому из направлений он отдавал предпочтение. Исследования в этих двух направлениях исторической науки ученый вел параллельно. Такой параллелизм объясняется тем, что культура рассматривалась им как система или интегрированное единство, каждый элемент которого тесно связан с другим во времени и пространстве.

Интерес ученого к проблемам этногенеза также сформировался на ранних этапах его научного творчества и был тесно связан с этнографической ориентацией. Принятый им как основной метод работы сравнительный историко-культурный анализ заставил его обратиться также и к описанию ранних форм религиозных представлений, особенностей социально-экономического строя охотников и рыболовов Прибайкалья и, что особенно важно, поставить проблему этногенеза населения этого региона.

В этот же период было положено начало еще одному большому проекту по изучению древней культуры и этногенеза народов Евразии⁷. По инициативе В.Г. Богораза, в 1935 г. А.П. Окладников отправился из Ленинграда на Нижний Амур для обследования древних памятников этого региона. Именно тогда он открыл первые находки неолитического времени, обследовал рисунки Сакачи-Аляна. Эти работы А.П. Окладников вел также в русле этнографического и этногенетического исследования. Уже тогда он нащупал ту связующую нить, которая соединила яркий и своеобразный мир амурского неолита и с культурами таежных охотников и рыболовов Сибири, и с культурами народов южных районов Тихоокеанского бассейна, а также с этнографическими культурными комплексами коренных народов Нижнего Амура.

Большую роль в работах А.П. Окладникова в этот период играет этнография. Он внимательно изучал труды русских ученых-востоковедов и сибиреведов, которые занимались этнографическим изучением аборигенных жителей Дальнего Востока. В ноябре 1940 г. на научной сессии Института этнографии АН СССР, посвященной памяти выдающегося отечественного этнографа Л.Я. Штернберга, он сделал доклад о научном наследии ученого, в котором высказал мысль о том, что, изучая этнографию Дальнего Востока, Л.Я. Штернберг обратил внимание на памятники прошлого и одним из первых исследовал древнейшие поселения⁸. Еще более важное значение для восстановления быта и культуры древнего населения Дальнего Востока, по мнению А.П. Окладникова, имеет вывод Л.Я. Штернберга (в его трудах, относящихся к айнской проблеме) о происхождении гиляков, о древнеманьчжурской культуре, взаимоотношениях древних племен Амура с их соседями⁹. Привлекая для анализа этнографические материалы Хабаровского краеведческого музея, ученый скрупулезно анализирует сходные обычаи множества народов (религиозные пред-

ставления, культ предков, каннибализм, магические обряды и обряды «перехода»). Это позволило ему нарисовать более детальную картину истории и генезиса памятников наскального искусства этого региона, сравнить их с материалами памятников аналогичного характера в таежной Сибири и в культурах народов Тихоокеанского круга¹⁰.

Начиная с ранних работ (доклад «Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока»), А.П. Окладников постоянно обращается к теме этногенеза народов Северной Азии. Наибольший интерес для него представлял вопрос об этногенезе тунгусов и их культурно-генетических связях с неолитическим населением Сибири. На примере анализа костюма («тунгусского фрака», «фрачного покроя одежды»), украшений из раковинных бус и кости он старался выявить те связи, которые в древности существовали между населением Прибайкалья и южных регионов Евразии и подтверждались данными антропологии¹¹.

Второй крупный исследовательский проект А.П. Окладникова был также связан с Сибирью, а точнее с Якутией. На протяжении шести лет (1940–1946 гг.) возглавляемая им Ленская историко-археологическая экспедиция проводила там широко-масштабные археологические, исторические и этнографические исследования. Итог этой работы – доказанная им концепция южного направления этногенетических связей якутского народа. А.П. Окладников придерживался взглядов на этнографию как на один из фундаментальных разделов гуманитарного знания, открытия в области которого можно сделать только при корректном использовании сравнительно-исторического метода исследования особенностей и вариантов развития конкретных явлений в области материальной и духовной культуры. Свои гипотезы в области этногенеза, культурных контактов и эволюции древних верований и искусства он тщательно проверял на полевом материале. Работая в этот период в области палеоэтнографии, ученый не ограничивался введением в научный оборот своих собственных оригинальных данных.

Он внимательно исследовал также коллекции Якутского краеведческого музея. Музейные собрания, архивные документы и фольклорные записи стали той этнографической базой, на которой родилась гипотеза о генетической преемственности культурных традиций коренного населения Евразии от архаических времен до этнографической современности. Его выводы о происхождении и истории наиболее древних племен Восточной Сибири были подтверждены археологическими, этнографическими и палеоантропологическими материалами.

Выявленные им связи носили генетический характер и связывали этносы Восточной Сибири с этносами степей Западной Евразии. Многолетние исследования по этногенезу, осуществленные им, предоставили научному миру возможность разобраться в сложном клубке противоречивых фактов, связанных с проблемой происхождения якутской народности. Ему удалось доказать преобладающую роль южных, тюркских компонентов в формировании якутской народности, а также тот неоспоримый факт, что якуты были втянуты в систему ранних феодальных отношений Центральной Азии¹². Работы ученого по истории древней культуры якутов и сопоставлению ее с этнографическими материалами высоко оценил С.А. Токарев, который писал, что труды Окладникова в этой области являются значительным вкладом в изучение не только Якутии, но и всей Северо-Восточной Азии, что палеолит Лены (кроме ее истоков) ранее известен не был, так как в распоряжении ученых имелись лишь случайные недатированные находки неолита, а бронзовые изделия считались привозными¹³. Исследования А.П. Окладникова совершенно изменили представления о культуре коренного народа этого края и его происхождении. Сам ученый указывал, что в результате взаимодействия местных и пришлых народов возникли новый народ и новая культура, представляющие, однако, не некую механическую смесь чужеродных элементов, а гармоническое целое, своего рода сплошное этническое соединение, в основе которого лежал мощный пласт южного происхождения. Возникла и продолжала расти якутская народность¹⁴. Концепция

этногенеза и этнической истории якутов, выдвинутая и обоснованная А.П. Окладниковым, находит принципиальную поддержку в новейших работах отечественных этнографов¹⁵.

Третий проект А.П. Окладникова – Колымская экспедиция 1946 г., в ходе которой были изучены районы Магадана, Охотского побережья и бассейна р. Колымы, дала материалы для концептуального заключения о том, что культуры (как археологическая, так и этнографическая) Охотского побережья и Берингоморья, будучи сходными в своей основе, резко различались специфическими чертами. Они принадлежали разным этносам: охотская – корякам, а берингоморская – эскимосам. Впервые в русской этнографической науке был поставлен вопрос о сходстве культурных комплексов, изученных в ходе Колымской экспедиции, с культурами Северной Америки и Юго-Восточной Азии¹⁶.

Следующими двумя большими проектами стали экспедиции в зоне затопления Братской ГЭС (1955–1959 гг.) и работы в Забайкалье (Бурятская АССР и Читинская обл.). В ходе Братской экспедиции впервые особое внимание было уделено памятникам наскального искусства Сибири: древним петроглифам на Каменных о-вах Ангары. Раскопки и этнографические наблюдения в Забайкалье дали материалы для разработки проблем этногенеза народов Центральной Азии. Эта проблематика разрабатывалась им в ходе Советско-Монгольской экспедиции, когда изучался каменный век Монголии. Публикуя материалы по наскальному искусству Монголии, А.П. Окладников указывал, что сходство в произведениях наскального искусства Западной и Восточной Сибири, а также Северной Монголии могут быть объяснены культурными контактами между охотничьими племенами, обитавшими на таежных пространствах от Якутии до Западной и Северной Монголии¹⁷. Для исследования и анализа сюжетного мира писаний Забайкалья А.П. Окладников привлекал разнообразные этнографические материалы, относящиеся к жизни скотоводческо-земледельческих племен. Это позволило ему сделать вывод о том, что в создании искусства наскальных изображений Забайкалья участвовали монголоязычные племена Сибири, предки монголов и бурят, а также предки якутов. Именно им, по его мнению, принадлежала богатая и оригинальная культура плиточных могил Забайкалья и Северной Монголии. Не переоценивая влияния ираноязычных племен на культуру и искусство Забайкалья, А.П. Окладников указал на «скифский» и «тюркский» следы в культурном мире Забайкалья, а также на влияние раннемонгольской культурной традиции. Забайкалье как территория на границе тайги и степи было своеобразным очагом, где скрещивались разнообразные культурные влияния с Запада и Востока¹⁸.

В 1950-е годы А.П. Окладников приступает к работе над Дальневосточным проектом. Он умел не только обобщать, но и предугадывать, порой по каким-то беглым, случайным штрихам, целые направления последующих поисков, видеть перспективу будущих работ и делать крупномасштабные выводы. Так, работы в Приморье, на полуостровах Янковского, Песчаный и в бухте Находка были предвосхищены его экспедицией 1935 г. А исследования на Дальнем Востоке в 1950-е годы давали ключи к разрешению комплекса проблем, связанных с этногенезом народов Дальнего Востока (формирование дальневосточных палеоазиатов и тунгусо-маньчжурских племен, проникновение с запада навыков ведения земледельческого хозяйства на территорию, занятую маньчжурскими племенами), а также вопросов заселения Американского континента. Привлекая такие этнографические материалы, как сравнительный материал архитектуры жилищ на пади Харинской (оз. Ханка), Китая, Кореи, Японии и Полинезии для описания конструкций жилищ неолитического населения бухты Песчаная у Владивостока; аналогии в орнаментике керамики, обнаруженной при раскопках в бухте Песчаная, со среднеазиатскими достарханами; реконструкцию социальной структуры общества неолитического населения приморских районов Дальнего Востока и механизмов ее функционирования на основе аналогий с этнографическим описанием жизненного цикла папуасов и меланезийцев. А.П. Окладников воссоздал облик культуры «раковинных куч» Приморья¹⁹.

На раскопках на Амуре, о. Сучу, 1975 г.

1960–1980-е годы отмечаются особой многоплановостью интересов в жизни ученого. Это темы, связанные с историей, культурой и этнографией коренного населения Сибири, и прежде всего этногенез народов Северной Азии, культурные взаимосвязи населения азиатского материка и Америки.

Разработка этой тематики была начата ученым еще в 1930–1940-е годы, когда он приступил к исследованию вопроса о культуре каменного века в бассейне Ангары и поставил проблему древнейших культурных связей населения Прибайкалья с Американским континентом. Уже тогда А.П. Окладников проявил живой и глубокий интерес к проблеме миграций коренного населения Сибири, путям проникновения на Американский континент «первых американцев» и особенностям культурных и генетических контактов аборигенов Старого и Нового Света. Об этом, в частности, свидетельствует его доклад «К вопросу о древнейших связях населения Азии с американским континентом», прочитанный в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны²⁰. Позднее он описал три основных пути движения первых «американцев» с территории Сибири: из Прибайкальского очага, из Центральной Азии и из района Тихоокеанского культурного мира. Исследования культуры древнего населения Прибайкалья позволили А.П. Окладникову наблюдать непрерывность в распространении культурных элементов с запада на восток (сейминско-турбинский путь) и из Южной Сибири и Забайкалья на юг, в Центральную и Среднюю Азию.

Проблема культурных контактов древнего населения Сибири волновала ученого и во время его работ на Алеутских о-вах в 1974 г. Совместные работы русских и американских археологов на Анангуле принесли не только впечатляющие результаты по древнейшей истории островов (было выявлено восемь элементов, которые связывали культуру каменного века Аляски и Алеутских о-вов с древними культурными комплексами Азии), но и по этнографии. Внимание ученого привлекала деятельность на островах русских исследователей, деятелей Российской американской компании и Русской православной церкви XIX в., прежде всего труды священника, миссионера и этнографа И. Вениаминова²¹.

Проблема происхождения, становления и расцвета древнего искусства коренного населения Сибири исследована им особенно обстоятельно. Параллельно с нею ученый разрабатывал вопрос о происхождении ранних форм религиозных представлений. Обширный блок материалов монументального наскального искусства Древней Сибири, введенный А.П. Окладниковым в научный оборот, требовал пристального

научного анализа. Желание найти связующую нить веков заставило ученого обратиться к истокам художественного творчества человечества. В монографии «Утро искусства» и в серии статей он проанализировал не только гипотезы о происхождении искусства, картине мира и мире образов искусства каменного века, но и выявил основные тенденции развития этого вида культурной деятельности древнего человека. Изучение этих памятников Сибири и Центральной Азии (Монголии) позволило А.П. Окладникову не только представить ученому миру уникальные местонахождения искусства каменного века – пещеру Хойт-Ценкер, но и сделать на основе анализа ее материалов важный вывод: корни и истоки палеолитического искусства представлены не только на Западе, но и на Востоке, в глубинах Центральной и Северной Азии.

Привлечение этнографического материала и произведений древнего искусства (наскальные рисунки, скульптура малых форм, художественные агиографические материалы), а также разнообразных мифологических сюжетов, позволило ученому выявить социально-экономическую тенденцию развития общины мустьерского времени и зарождение прогрессивных форм общества, смену биологического эгоизма зверя новыми социально обусловленными, коллективистскими чертами поведения людей. Вывод, сделанный ученым, ясен и однозначен: искусство как феномен высшей формы человеческой деятельности и у охотников каменного века, и у этнографически изученных аборигенов Сибири играло одну из ведущих ролей в деле становления и укрупнения социальных связей²².

Исследование наскального искусства Сибири с начала 1950-х годов стало второй после палеолита ведущей темой научного творчества А.П. Окладникова. И дело заключалось не только в том, что он ввел в научный оборот тысячи открытых им в долинах Алдана, Майи, Олекмы, Лены, на берегах Ангары и Байкала, в степях Забайкалья, на берегах таежной Томи, на камнях Чуйской степи, на камнях и в пещерах Монголии или валунах Нижнего Амура наскальных композиций, но и дал их научную интерпретацию. В этой сложной реконструктивной работе неопценимую помощь ему оказали многочисленные этнографические материалы, мифологические и исторические параллели, его прекрасное знание ранних форм религиозных представлений коренного населения Сибири. Выделенные им три основные крупные провинции (ареала) наскальных изображений: североазиатская, дальневосточная и центрально-азиатская, соответствовали, с одной стороны, границам историко-этнографических областей, описанных этнографами, а с другой – намеченным его исследованиями трем крупным очагам становления традиционной культуры коренного населения Сибири.

Изучение этих памятников открыло перед А.П. Окладниковым горизонты культурных контактов их создателей – охотников, рыболовов, скотоводов и ранних земледельцев Древней Сибири. Исследование сюжетного мира древнего наскального искусства Сибири он осуществлял с помощью анализа мифологии (мифов о «культурных героях», близнецах, невинно гонимых божественных героях). Ученый полагал, что наскальные рисунки Шишкинских скал раскрывают многокрасочную мозаичную картину, в которой переплетается история якутов, бурят и их далеких предшественников – курыканов. В североазиатском круге памятников они простирались как на юг, вплоть до границ Средней Азии (самодийский компонент), так и далеко на север, в Америку, в дальневосточном ареале – на Японские острова, во Вьетнам, в Индонезию, Полинезию, достигая Австралии. По материалам, полученным на этих огромных культурно-исторических массивах, ученый исследовал историю отдельных этносов, например мохэских племен, а также более поздние миграции на Амур северных групп тунгусов-оленьеводов. Наскальные рисунки народа мохэ по своим стилистическим особенностям и составу образов были аналогичны произведениям искусства тюркских племен раннего средневековья Южной Сибири и Центральной Азии²³.

А.П. Окладников в разное время работал в контакте с учеными-этнографами, среди которых были В.Г. Богораз, Н.В. Кюнер, Л.П. Потапов, С.В. Иванов, Г.М. Ва-

силевич, Е.Д. Прокофьева, Е.М. Тошакова и др. Так, с Е.М. Тошаковой он проводил исследования на Алтае, с Г.М. Василевич – у тунгусов. Как начальник Комплексной историко-культурной советско-монгольской экспедиции он привлек для работы ученых-этнографов разной специализации. Будучи человеком энциклопедических знаний, А.П. Окладников охотно отзывался на просьбы коллег написать рецензию для издательства или для печати. Он рецензировал труды по теории этноса, по этногенезу разных народов, по различным проблемам материальной и духовной культуры. В течение ряда лет он входил в состав редколлегии журнала «Советская этнография». Его авторитетное мнение ценили все коллеги.

Взгляды ученого не оставались неизменными. Как всякий настоящий большой ученый, он по мере накопления новых научных фактов нередко возвращался к ранее высказанным им же самим предположениям, которые прежде он и его коллеги считали достаточно обоснованными. Так, в частности, работы в Прибайкалье конца 1970-х годов предоставили ему материалы, на основании которых он пересмотрел гипотезу о южном происхождении тунгусов, заменив ее новой – о тунгусах как автохтонном населении.

А.П. Окладников активно участвовал в научных конференциях и симпозиумах в России и за рубежом. Когда появились первые признаки политической оттепели и советские ученые стали выезжать за рубеж, А.П. Окладников был в числе первых представителей отечественных гуманитариев, которым было доверено представлять советскую науку на международных форумах. Так, уже в августе 1956 г. он вместе с И.А. Золотаревской и Ю.В. Кнорозовым участвовал в работе 32-го конгресса американистов в Копенгагене²⁴. В 1958 г. вместе с С.П. Толстовым, М.Г. Левиным и Г.Ф. Дебецом он участвовал в Первой международной конференции по проблемам археологии, этнографии и антропологии в Арктике, состоявшейся в Копенгагене²⁵. А далее форумов было довольно много: в 1960 г. в Москве – XXV Международный конгресс востоковедов, в 1964 г. – в Москве VII и в 1968 г. в Токио – VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, в 1966 и 1970 гг. в Улан-Баторе – Международный конгресс монголоведов, в 1975 г. – конгресс финноугроведов в Будапеште и т.д. А.П. Окладников активно поддерживал связи со своими коллегами – археологами и этнографами за рубежом. Его работы по археологии и этнографии Сибири неоднократно переводились на другие языки и издавались в Венгрии, Польше, Чехословакии, Индии, США, Финляндии, Франции, Японии. Он удостоился чести быть избранным в 1973 г. членом-корреспондентом Британской академии, в 1974 г. – иностранным членом АН МНР, в 1976 г. – почетным членом АН Венгерской Народной Республики, в 1978 г. – почетным доктором Познаньского университета Польской Народной Республики.

Его исследования с привлечением для сравнительного анализа широкого спектра историко-культурных материалов из области фольклора, мифологии, этнографии, археологии, истории всегда доказательны и не теряют своей научной значимости и сегодня. При всей своей занятости А.П. Окладников всегда находил время для популяризации археологических и этнографических исследований²⁶. Его глубоко волновали проблемы сохранения памятников отечественной культуры, в связи с чем он активно работал в руководстве Российского Общества охраны памятников страны. Особо заботился он о спасении культурных ценностей народов Сибири, в частности, Зашиверской церкви на р. Индигирка. Он был инициатором создания музея под открытым небом в Академгородке под Новосибирском.

Всю свою жизнь в науке А.П. Окладников собирал археологические, палеоантропологические и этнографические коллекции, которые ныне хранятся во многих музеях Сибири и Дальнего Востока. Его собрания значительно обогатили фонды старейшего российского государственного музея Кунсткамеры, ныне Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Начав свою карьеру в провинциальном музее, он имел богатый опыт не только собирательской и учетно-хранительской работы, но и экспозиционной. Он любил и знал настоящую цену

А.П. Окладников с женой В.Д. Запорожской. 1978 г.

музейному экспонату, умел понять и оценить его уникальность. Очевидно, именно поэтому он с такой энергией и увлеченностью помогал организации выставки блистательного собрания океанийских коллекций Н.Н. Миштушкина и А. Пилиоки в Новосибирске. Особо хотелось бы напомнить, что в последнем случае она была приурочена к происходившему в 1979 г. в Хабаровске XIV Тихоокеанскому научному конгрессу, в организации и проведении которого А.П. Окладников играл крупную роль. Эти выставки пользовались громадным успехом как у ученых, так и у рядовых посетителей: можно было не только увидеть, но и потрогать предмет, услышать игру А. Пилиоки на громадном щелевом барабане, побеседовать на русском языке с Н.Н. Миштушкиным, гражданином океанийской республики Вануату. У многих, кто в те годы посетил эту необыкновенную выставку, наверняка до сих пор сохранились яркие впечатления от увиденного и услышанного, а собиратели коллекций и теперь преисполнены чувства искренней признательности к удивительному, по-юношески влюбленному в науку человеку – Алексею Павловичу Окладникову.

Ученый был прекрасным организатором и одним из основателей сибирской археологической школы. Он не только приложил много усилий для обеспечения преподавания курса этнографии на Историческом факультете Новосибирского государственного университета, но также, будучи его деканом, взрастил плеяду талантливых учеников–археологов и этнографов, ныне успешно продолжающих его дело в Сибири.

Как организатор науки Окладников был вдохновенным и в то же время «практически умелым, и даже дипломатичным»²⁷. Его деятельность пришлось на непро-

стые годы развития русской гуманитарной науки. «Как организатор науки А.П. Окладников иногда делал то, что от него требовали и ждали: время, вожди, положение. Таковы были "правила игры" в его время... Он мог быть даже в чем-то беспринципным ради сиюминутной выгоды. Но не для себя (он не строил для себя "палат каменных"), а для коллектива»²⁸. Во время работы в Институте истории, философии и филологии СО АН СССР Окладников всячески содействовал развитию этнографических исследований, формированию структурного этнографического подразделения в структуре Института. Развитие широких этнографических штудий в Новосибирске привело к созданию в 1990 г. в составе Сибирского отделения РАН Института археологии и этнографии, и в этом также есть заслуга А.П. Окладникова.

В заключение хотелось бы сделать несколько общих замечаний, характеризующих А.П. Окладникова не только как ученого-археолога и этнографа, но и как личность. А.П. Окладников был неутомимым полевиком-исследователем, который раньше всех уезжал в поле и позже всех возвращался. Жена ученого, его верный помощник и надежный друг В.Д. Запорожская говорила: «Я всегда любовалась им. У него была не только светлая голова, но и ноги – "легкие копытца" как у "Оленя золотые рога". Он мог днями ходить по тайге, которую любил и отменно знал с раннего детства. Он никогда не уставал в своем пути "навстречу неизвестному прошлому"». Вера Дмитриевна была всегда рядом с ним: и в поле, «продираясь сквозь комара» у Шишкинских скал, и замерзая на Кольме, и изнывая от жары в Туркмении, и в кабинете, где работала как художник над его книгами. Вообще-то она редко сетовала на трудную судьбу жены ученого-полевика, как он сам себя называл «археолога – извечного бродяги». Разве что как-то раз с грустью заметила: «У меня никогда не было красивых летних платьев. Мне их просто некогда было носить. Десятилетиями я проводила летние месяцы в брезентовых брюках и кирзовых сапогах...».

А.П. Окладников был блестящим рассказчиком, лектором и пропагандистом науки. Этот талант ему особенно пригодился не тогда, когда он читал лекции по археологии Сибири в Ленинградском или Новосибирском университетах, а тогда, когда шли споры между «лириками» и «физиками» на заседаниях Президиума СО АН СССР, когда нужно было, например, отвоевывать место для музея под открытым небом. И если бы не мудрость руководителя Института генетики, академика Д.К. Беляева, который отдал под музей свои поля, где десять лет выращивали селекционные сорта морозоустойчивой пшеницы, неизвестно, чем бы кончилось дело.

Научную работу А.П. Окладникова хочется охарактеризовать как научное творчество. Прежде всего потому, что нельзя не заметить, что оно проникнуто целеустремленным романтизмом. Может быть, именно поэтому его научному творчеству сопутствовала Звезда новых открытий (Тешик-Таш, Буреть, Хойт-Ценкер и т.п.). Но эта Звезда горела под знаком высокого профессионализма, который на практике, в поле получил выражение в особом окладниковском «чутье». Об удивительном «чутье» А.П. Окладникова на памятники ходили легенды. Дело доходило до курьезов. Как-то группа студентов – членов археологического отряда, возглавляемого им, ехала на грузовике по только что проложенной в Прибайкальской тайге рядом с линией электропередачи дороге. Машина шла очень быстро, новая дорога была пустынной, гладкой и хорошо утрамбованной. С двух сторон от насыпи виднелся глубокий кювет, усыпанный щебнем. А.П. Окладников сидел в кабине и вместе со всеми, скинув накомарник, наслаждался отсутствием гнуса, сдуваемого стремительным ветром. Вдруг он крикнул шоферу: «Ноги, ноги... Остановись...». Машина резко затормозила. Академик выскочил из кабины и быстрыми шагами направился назад к кювету. Навероятно, но оказалось, что он успел заметить промелькнувшие на краю кювета, срезанного бульдозером при строительстве дороги, остатки глазковского погребения – кости фаланг ног скелета. Так был открыт еще один могильник бронзового века в Прибайкалье.

Может быть, именно целеустремленность и проникнутое романтикой ощущение жизни создало тот своеобразный способ подачи излагаемого им научного материала

исследований в книгах. Целеустремленность, сочетающаяся с романтизмом, были для него тем горючим, которое придавало творческому процессу ученого удивительную многоплановость, многоаспектность и параллелизм, что проявлялось в привычке работать сразу над несколькими проектами (работы на Крайнем Севере у него органично сочетались с исследованиями в Туркмении и разведывательными изысканиями на Нижнем Амуре, работы в Забайкалье и Прибайкалье – с экспедицией на Дальнем Востоке). Возможно, поэтому его научным концепциям был свойственен глобализм, питаемый стремлением охватить огромные пласты культурных традиций, от архаической древности до этнографической современности, как бы с высоты птичьего полета.

Кроме того, читатель как бы видел те археологические памятники, о которых он писал, в частности, наскальные рисунки. А.П. Окладников умел поместить повествование исторического характера в элегантную раму притчи, сдобренной умным юмором анекдотического случая из жизни или, например, красочным описанием обычая монгольского гостеприимства, поданного с удивительными этнографическими подробностями. Его книги проникнуты чувством уважительности и преклонения не только перед творениями гения и рук человеческих, но и, прежде всего, перед Человеком.

Примечания

¹ Ларичев В.Е. Окладников – исследователь древних культур Азии (К 50-летию со дня рождения). Иркутск, 1958; Васильевский Р.С., Рыбаков Б.А. 70-летие академика А.П. Окладникова // Вопр. истории. 1978. № 9. С. 130–134; Алексеев В.П., Гурвич И.С. А.П. Окладников. Некролог // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 168–172; Борисковский П.И. А.П. Окладников (некролог) // Сов. археология. 1982. № 3. С. 181–189; Деревянко А.П. Алексей Павлович Окладников // Первопроходцы. М., 1983. С. 294–351; Бромлей Ю.В., Итс Р.Ф. Исследование культуры народов Сибири в трудах академика А.П. Окладникова // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 5–9; Окладников Алексей Павлович // Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. II. М., 1995. С. 171–175.

² Окладников А.П. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра (далее: КСИИМК). Вып. X. Л., 1941. С. 16–31.

³ Шмидт С.О. Алексей Павлович Окладников (1908–1981) // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 363.

⁴ Окладников А.П. Русские полярные мореходы 17-го века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948; Пенда – забытый русский мореходец 12 в. // Летопись Севера. Т. 1., 1949. С. 94–102.

⁵ Окладников А.П. Два документа 17-го столетия о поиске ревеня в Якутии. Иркутск, 1928; *его же*. Предисловие к кн.: Ксенофонов Г.В. Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме. Иркутск, 1929. С. 3–5; *его же*. К вопросу о происхождении лука и стрел в истории культуры // КСИИМК. Вып. 5. Л., 1940. С. 17–22; *его же*. Древняя письменность якутов (совм. с И.И. Барашковым). Якутск, 1942; *его же*. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1944; *его же*. Якуты на Средней Лене перед приходом русских и значение присоединения Якутии к русскому государству // По ленинскому пути. 1944. № 9.

⁶ Окладников А.П. Русские полярные мореходы 17-го века у берегов Таймыра; *его же*. Пенда – забытый русский мореходец 12 в.

⁷ Окладников А.П. Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене // Советская этнография (далее: СЭ) 1946. № 3. С. 113–122; *его же*. Происхождение якутской народности // Тез. докл. на Секции этнографии и антропологии 2-го Всесоюз. геогр. съезда. Л., 1947. С. 4; *его же*. Социальный строй предков якутов // СЭ. 1947. № 2. С. 95–121; *его же*. К истории этнографического изучения Якутии: описание быта и нравов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768–1769 и 1785 гг. // Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 17–48; *его же*. Из истории просвещения у западных бурят-монголов // Зап. Бурят-Монгольского НИИ культуры и экономики. Вып. 8. Улан-Удэ, 1948. С. 106–115; *его же*. Происхождение якутской народности // Тр. 2-го Всесоюз. геогр. съезда. М., 1979. Т. 3. С. 365–371; *его же*. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // Сб. Музея антропол. и этногр. Т. 11. 1949. С. 73–109; *его же*. Из истории общественных отношений якутов 17 в. // СЭ. 1949. № 4. С. 209–213; *его же*. Религия лесных племен Восточной Сибири в неолите и бронзовом веке в свете археологии и этнографии // Доклады по этнографии. Вып. 3. Л., 1966. С. 37–50.

⁸ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 15–19.

⁹ Л.Я. Штернберг и археология советского Дальнего Востока // Архив Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Далее: СПб ФА РАН). Ф. 849, Оп. 5. Ед. хр. 511. Л. 1.

¹⁰ *Окладников А.П.* Древние памятники в низовьях Амура: Исследования 1935 г. // Отчетная археологическая сессия Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Сов. археология (далее: СА) 1936, № 1. С. 275–277; *его же.* К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. 1936, № 1. С. 275–277; *его же.* Дальневосточный очаг древнего земледелия // СЭ. 1969, № 2. С. 3–14.

¹¹ *Окладников А.П.* Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. Вып. IX. Л., 1941. С. 5–14.

¹² *Окладников А.П.* Якутия до присоединения к русскому государству. Т. 1. М.; Л., 1955.

¹³ *Токарев С.А.* (рец.) *Окладников А.П.* Исторический путь народов Якутии (К 20-ю юбилея ЯА ССР). Якутск, 1943. С. 297 // СЭ. 1947, № 6–7. С. 297–299.

¹⁴ *Окладников А.П.* Исторический путь народов Якутии (К 20-ю юбилея ЯА ССР). Якутск, 1943. С. 74; *его же.* Курейские тунгусы в 18 в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (17–19 вв.). Вып. 3. Новосибирск, 1968. С. 97–119; *его же.* Динамика культурных традиций у народов Сибири // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Вып. 1. Улан-Удэ, 1968. С. 19–27.

¹⁵ *Гоголев А.И.* Историческая этнография якутов: проблемы этногенеза и формирования культуры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.

¹⁶ *Окладников А.П.* Ленские древности // Материалы по Древней истории Якутии. Вып. 2. Якутск, 1946; *его же.* Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене // СЭ. 1946, № 3. С. 161–162; *его же.* Из области древней культуры якутов // СЭ. 1946, № 3. С. 113–122; СПб ФА РАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 511. Л. 2; *его же.* Совместные исследования американских и советских археологов на Анагуле (Алеутские острова, Аляска) (совм. с В. Лафлиным) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных регионов. Новосибирск, 1975. С. 5–18; *его же.* По Аляске и Алеутским островам. (совм. с Р.С. Васильевским). Новосибирск, 1976; *его же.* От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопр. истории. 1976, № 6. С. 121–129; *его же.* Происхождение алеутов // Природа. 1976, № 1. С. 119–131; *его же.* Взаимодействие древних культур Тихого океана (по материалам петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 41–49; *его же.* Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала (совм. с Е.А. Окладниковой) // 6-е Уральское археол. совещ. Нижний Тагил, 1977. С. 20–22; *его же.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // Материалы и исследования по археологии СССР (далее: МИА) М.; Л., 1963.

¹⁷ *Окладников А.П.* Петроглифы Чулутын-Гола. Новосибирск, 1981. С. 43.

¹⁸ *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970. С. 168.

¹⁹ *Окладников А.П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // МИА. № 112. М.; Л., 1963. С. 157–184.

²⁰ *Окладников А.П.* К вопросу о древнейших связях населения Азии с американским континентом. СПб ФА РАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 511. Л. 2.

²¹ *Окладников А.П.* Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы. М., 1983. С. 136–148; *его же.* Совместные исследования американских и советских археологов на Анагуле (Алеутские острова, Аляска) (совм. с В. Лафлиным) С. 5–18; *его же.* Древности Сибири: петроглифы, орнаменты, мифы // Наука и человечество. М., 1977. С. 66–81; *его же.* По Аляске и Алеутским островам. (совм. с Р.С. Васильевским) Новосибирск, 1976; *его же.* От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова *его же.* Происхождение алеутов *его же.* Взаимодействие древних культур Тихого океана (по материалам петроглифов); *его же.* Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала (совм. с Е.А. Окладниковой)

²² *Окладников А.П.* Утро искусства. Л., 1967; *его же.* Становление человека и общества // Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958, С. 121–153; *его же.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ. 1952, № 3. С. 159–180; *его же.* Петроглифы Ангары. М.; Л., 1956; *его же.* Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968; *его же.* Предыстория искусства амурских народов: Петроглифы на р. Кня, Усури // СА. 1968, № 4. С. 46–57; *его же.* Петроглифы Забайкалья (совм. с В.Д. Запорожской). Ч. 1. Л., 1969; Ч. 2. Л., 1970; *его же.* Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Матер. конф. «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 3–27; *его же.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971; *его же.* Сокровища Томских писанец (совм. с А.И. Мартыновым) М., 1972; *его же.* Петроглифы Средней Лены (совм. с В.Д. Запорожской). Л., 1972; *его же.* Петроглифы Байкала. Новосибирск, 1974; *его же.* Лоси на Долгом пороге (Периодизация нижнеангарских наскальных изображений) // СЭ. 1974, № 3. С. 73–59; *его же.* Ancient art of Lower Amur river. L., 1981; *его же.* Тунгусоманьчжурская проблема и археология // История СССР. 1968, № 6. С. 25–42.

²³ *Окладников А.П.* К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (неолит и бронзовый

век) // СЭ. 1950. № 2. С. 36–52; *его же*. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // СА. 1950. № 4. С. 7–19; *его же*. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. Т. 1. Л., 1951. С. 143–154; *его же*. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // СЭ. 1954. № 1. С. 5–29; *его же*. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (К вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. № 1. С. 26–55; *его же*. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959; *его же*. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. С. 292; *его же*. Ленские писаницы. М.; Л., 1959; *его же*. Петроглифы Братского моря // Наскальные рисунки каменных островов на Ангаре. Иркутск, 1960. С. 5–15; *его же*. Культурно-этнические связи тюркского Прибайкалья VI–X вв. с Западом (Орнамент венгерских пластин для украшения сумок X в. и манхайские гравированные плитки) // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 167–173; *его же*. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чтения. Вып. 1. М., 1966. С. 144–157; *его же*. Проблема древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири (леваллуазская проблема) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972. С. 5–8; *его же*. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 5–11.

²⁴ Золотаревская И.А., Окладников А.П. 32-й Международный конгресс американистов // СЭ. 1957. № 1. С. 157–159.

²⁵ Левин М.Г., Окладников А.П. Международная конф. в Копенгагене по археологии и антропологии // СЭ, 1959, № 2.

²⁶ Окладников А.П. Олень золотые рога. Рассказ об охоте за наскальными рисунками. М., 1960; *его же*. Открытие Сибири. М., 1979; Утро искусства. Л., 1977; *его же*. По Аляске и Алеутским островам (совм. с Р.С. Василевским). Новосибирск, 1977.

²⁷ Шмидт С.О. Указ. раб.

²⁸ Кызласов Л.Р. Портреты учителей-создателей советской археологии (К 60-летию начала специализации по археологии на Историческом факультете МГУ) // Вестн. МГУ. Серия истор. 1997. № 4. С. 26–28.

A.M. Reshetov, E.A. Okladnikova. Ethnography among Scientific Interests of A.P. Okladnikov

The article is devoted to the 90-years since the birthday of A.P. Okladnikov. The authors tell as about the childhood and the youth of the scientist but most of all they describe his scientific and teaching activity and a lot of expeditions. On the results of them he made his conclusions about historical appropriateness of culture development in its paleoethnic and archaeological aspects.

© 1998 г., ЭО, № 4

Б.А. Фролов

А.П. ОКЛАДНИКОВ О ТВОРЧЕСКИХ НАЧАЛАХ ИСКУССТВА

«Узкие, по-монгольски слегка раскосые глаза, похожие на кошачьи, смотрели на нас, людей XX века, загадочно и, казалось, даже с легкой иронией. На лице, очерченном с какой-то неожиданной мягкостью и нежностью, блуждала еле заметная улыбка. И, как это ни странно, она напоминала что-то очень давно и хорошо знакомое – уж не улыбку ли Джоконды?»

Ощущение жизненной силы и тайны, исходившее от этого обломка бивня мамонта, становилось еще глубже оттого, что статуэтка как будто излучала тепло живого существа».